

От поэтов веков минувших нам остались стихи и поэмы, от музыкантов — оперы и симфонии, от художников — картины и рисунки, а от исполнителей: дирижеров, хормейстеров, певцов — остаются лишь воспоминания современников. Лишенные возможности судить об их искусстве, мы не испытываем к ним особого интереса. И зря. Мне не раз попадалось в мемуарной литературе имя князя Юрия Голицына, которого называли крупнейшим хоровым дирижером своего времени. О нем восторженно отзывались А. И. Герцен, композитор Серов, Тучкова-Огарева, виднейшие музыкальные критики середины прошлого века. Он присутствует в энциклопедиях как неумолимый пропагандист русской хоровой народной песни, с которой познакомил Запад. Заинтересовавшись, я принялся отыскивать его следы и передо мной обрисовалась своеобразная фигура. Самое удивительное, что он сохранился в семейных преданиях московских старожилов.

В исходе своей бурной жизни, проделав долгий путь из князей в ремесленники музыкального цеха (слово «профессионал» тогда еще не применялось к музыкантам), он с полным правом мог сказать: «Я не был рожден помещиком. И, конечно, однажды принятого решения я никогда не изменю и останусь тверд в намерении моем — жить собственным трудом». Слово свое он сдержал. Главу из посвященной ему повести предлагаю вниманию читателей «Литературной России».

Полностью моя повесть выйдет в журнале «Наш современник».

АВТОР

Юрий НАГИБИН

ГОЛИЦЫН

Как Голицын успел так подготовить хор и оркестр, это его тайна — но концерт был совершенно из ряда вон. Русские песни и молитвы, «Камаринская» и обедня, отрывки из оперы Глинки и из Евангелия («Отче наш») — все шло прекрасно. Но и тут Герцен не удерживается от насмешки: «Дамы не могли налюбоваться колоссальными мясами красивого ассирийского бога, величественно и грациозно поднимавшего и опускавшего свой скипетр из слоновой кости».

И скупая на похвалы Тучкова-Огарева, с мнением которой он очень считался, восторженно отзывалась о голицынских концертах. И все-таки предубеждение оставалось. Но если у князя случались неприятности, а наживать их Голицын был великий мастак, Герцен приходил на помощь. Так было, когда «взбунтовался» вывезенный из России регент, личность весьма противная. Герцен удивительно точно разобрался в запутанной истории и, хотя по наклонностям своим всегда брал сторону слабого против сильного, бедного против богатого, был покорен простодушной, даже наивной манерой князя, явившего сквозь все громы и молнии совершенное беззлобие, неожиданной демократизм и чисто русскую широту. Сочувственно рассказав об очередной беде князя — сквозь насмешливую интонацию проливается больше, чем симпатия — любованье игрой богатого характера, — он дальше с необъяснимым злорадством сообщает, что Голицын «...всем задолжал, угодил в тюрьму, и полисем привозил его ежедневно в Kretomengardens в восьмом часу, там он дирижировал для удовольствия лореток всего Лондона концертом, и с последним взмахом скипетра из слоновой кости незаметный полицейский вырастал из-под земли и не покидал князя до каба, который вез узника в черном фраке и белых перчатках». И чего Герцен так расшалился? Он же пишет о человеке, находящемся в отчаянном положении Любопытно, что Герцен вторично упоминает «скипетр из слоновой кости». У кого другого это могло быть признаком художественной скупости: цепляние за раз найденную выразительную подробность, но только не у Герцена — дирижерская палочка из слоновой кости крайне досаждала ему.

В последней части незавершенных мемуаров князь скрывается за псевдонимом «сэр Вильямс», но идет так близко к своей подлинной биографии, что поселяет вернувшегося в Англию героя в городе, обозначенном буквой «Я». В английском алфавите такой буквы не существует, стало быть, не может быть и города на «Я». Но есть Ярославль, где поселился по возвращении на родину Голицын. Достаточно пробежать начало, чтобы убедиться, насколько живой Голицын совпадает с придуманным сэром Вильямсом. «Я, как вы знаете, англичанин. По рождению принадлежу к высшей английской аристократии. К несчастью, я лишился моей матери в первый период моего детства, а мой отец, служивший в военной службе и находившийся постоянно в походах, не имел возможности следить за моим воспитанием, вынужден был оставить меня у родных покойной матери, которые, не сумев справиться с природной необузданностью моего нрава, нашли необходимым отдать меня в учебное заведение, в котором, однако, я не учился».

Спокойный, даже несколько провинный к самому себе тон повести ломается, когда речь заходит об «ангеле», украсившем горестное бытие Вильямса и даже принесшем ему сына (чего с ангелами не бывает по причине их бесполости), едва не оплатив

ДАЛИ

ИСКУССТВА

ДИРИЖЕР

Юрий Николаевич ГОЛИЦЫН.

собственной жизнью появление плода любви, не, освященной узами законного брака. Не менее пафосно переданы злключения сэра Вильямса, художника, чье искусство не находит применения в ростовщическом мире. И хотя все это написано в приподнятой и неестественной манере Авдотьи Панаевой, в бедствиях сэра Вильямса отразилась горестная жизнь самого Голицына в Англии.

Ему катастрофически не везло. Впрочем, это невезение провозничало безжалостными лондонскими дельцами, в чьи руки попал доверчивый и неопытный в практической жизни князь. Он был смел и находчив в романтических обстоятельствах жизни, когда звенела кровь в жилах, а не деньги. Его громкое имя, пышный титул, репутация первоклассного музыканта, быстро укрепившаяся в Лондоне, принесли ему выгоды, как поначалу казалось, контракт. Правда, до заключения этого контракта быстро промотавшийся на серых в яблоках князь успел побывать в «крепостной зависимости» у выжили антрепренера, которого он называет «хозяином», отказывая ему в имени на страницах своих воспоминаний. За три шиллинга в день хозяин получал князя в свою собственность. Триниды в день Голицын должен был дирижировать оркестром, где прикажут: в саду для гуляний, в концертном или на низкопробном балу. Конечно, это было унижительно для такого большого музыканта, как Голицын, но в грубой поденщине тайлоса и хорошее: он отучался от своих барских замашек, от дорогих экипажей, нанятых в кредит, роскошных ужинов в долг, услуг многочисленной челяди и прочего баловства.

Но вот ему удалось вырваться из кабалы и подписать выгодный контракт с г. Кардуэлем, содержателем одного из лучших увеселительных садов Лондона — Sereigarden.

Если отечественные похождения Юрки Голицына зачастую просились в лесковские сказки, то лондонская пора достойна пера Диккенса, выпустившего в свет таких чудищ, как Урия Гил, Сквирс, Ральф Никльби, старикашка Феджин. Сановитый Кардуэль, денежный мешок и «настоящий джентльмен», как мнилось провинциальному Юрке, подписал с ним соглашение от собственного лица и от лица своих незримых компаньонов на сорок концертов; сбор делился поровну между антрепренерами и Голицыным, который из своей доли оплачивал оркестрантов. В контракте была одна маленькая оговорка — Голицын не придавал ей никакого значения: за первое выступление весь сбор идет Кардуэлю и К°.

Концерт происходил в огромном зале, построенном предшественником Голицына по Серейгардену французским капельмейстером Жульеном, который сам держал антрепризу. Голицыну довелось дирижировать в этом зале, вмещавшем восемь тысяч человек, вскоре по приезде в Англию. Он имел огромный успех, позволивший забыть о печальной судьбе Жульена. А князь был суверен! Бедного Жульена довели до сумасшествия и гибели обложившие его музыканты: таких ставок, как у Жульена, нигде не платили. Но стоило Жульену чуть оступить, и разбалованные, неблагодарные оркестранты ополчились на него и вогнали в гроб. Голицыну подобный казус не грозил: со смертью Жульена кончились сверхгонорары, платить стали

куда меньше прежнего, музыканты цеплялись за любую работу, и ничего не стоило с ходу набрать полный оркестр. Кардуэль, по профессии пивовар, явил щедрость и вкус, пригласив солистами двух виртуозов-гастролеров: скрипача Олебуля и пианиста Альбани. Меньше вкуса, но достаточно коммерческой сметки он обнаружил, украсив весь Лондон «двуснальными» афишами, извещавшими о грандиозном концерте под управлением «Его королевского высочества принца Георгия Николаевича Голицына». «Сам бог послал мне вас, мой принц, взамен бедного Жульена, — едва удерживая слезы, говорил накануне концерта мистер Кардуэль. — Покойный был замечательным человеком, но как музыкант не годился вам в подметки». Зато как дельцы несчастный Жульен и счастливый принц Георгий Голицын находились на одном уровне, который был неизмеримо ниже уровня «настоящего джентльмена» Кардуэля и его мифических компаньонов.

Концерт имел сумасшедший успех, билетов было продано вдвое больше, чем мест, люди забили проходы, стояли в дверях. Следующий концерт не состоялся.

Вскоре после утренней репетиции над кронами старых дубов и молодых кленов Серейгардена повалил густой черный дым. Концертный зал горел, и мистер Кардуэль, брезгливо поносив белые перчатки, пахнувшие огневальной смесью, не спеша отправился в страховую контору, где по счастливой случайности недавно застраховал свое увеселительное заведение на сумму, значительно превосходящую его стоимость. Поразительно, что в номере газеты «Экспресс», выходящем в три часа дня, появилось сообщение с места пожара, еще только набравшего силу: «Пока мы пишем эти строки, Серейгарденская зала, в которой вчера был концерт под управлением принца Голицына, наполовину уже сгорела». Голицын прочел заметку, снял шляпу, перекрестился и сказал: «Да будет воля твоя».

Кардуэль и К° без труда отстроили заново свой театр, но контракта прежнего с Голицыным не возобновили. А заключили новый, согласно которому он получал уже не половину, а сорок процентов валового сбора. Игра нача-